

Можно ли примириться с ветром?

Время – единственный цензор, жестокий и беспощадный, который тщательно отсортировывает лучшее. Так было всегда. Никакие общественные формации, правители, партии и пиар-технологии не могут приказать той или иной литературе жить ей или умереть. Только истинный талант, обращенный к вечным ценностям, мощное провидение и редкое попадание в нерв эпохи дают долгую жизнь книге. Нам всегда хочется, чтобы интересная история превратилась под пером мастера в настоящую литературу. Но кто знает, где заканчиваются границы житейского рассказчика и начинается настоящая ЛИТЕРАТУРА.

Недавно взяла книгу одного автора из советского прошлого, мы его произведения читали в школе как обязательные. Долго настраивалась, пыталась заставить себя прочитать, найти хотя бы несколько зерен, дающих эмоциональную энергетику и оставляющих послевкусие, но не одолела и десятка страниц – меня охватила скука смертная. Подумалось: зачем себя мучить, ведь читаешь не для оценки в дневнике. Тогда ради чего?

Утолить духовную жажду сложнее, чем просто напиться воды. Здесь многое должно совпасть и дать ответную вибрацию. И если такое случается, книга становится твоим спутником, близким другом и советчиком на долгие годы. Можно только поражаться, как на много раз перечитанных страницах находятся все новые и новые ответы. Такая магия присуща особо талантливым авторам, плетущим причудливые сети, в которые мы попадаем и вновь и вновь жаждем в них окантаться. Плененный Словом, его богатством, энергетикой, глубокими раздумьями и каким-то неуловимым божественным присутствием, а совсем не правильно выстроенным сюжетом, ты как бы очищаешься, заново открывая заветные и такие простые истины, ты готов жить, противостоять недоброму миру и прочим лихим обстоятельствам. И в том соль истинного назначения художественного Слова, что оно дает возможность подпитаться духовной пищей, возвращать в

себе лучшие качества, прощать другим их недостатки и одновременно меняться самому. Может быть, каждый из нас, улучшая собственную внутреннюю духовную экологию, будет подвигать мир к обновлению...

Заглянешь в современные тексты, а литературные герои-то там совсем и не герои, сплошь озабоченные на сексуальной почве тридцатипятилетние мальчишки, готовые изменять *единственным и любимым* сразу, как только отъедет от перрона вагон. Нервные, мелкие, безответственные люди, пытающиеся водкой залить пожар измены, пускающиеся во все тяжкие, по сути своей больше похожие на сутенеров, а не на сильных, уверенных в себе мужчин. Один такой герой нашего времени в повести А. Козлова «Примириться с ветром» (журнал «Нёман», № 8, 2010 год) ковыряется в своей душевной ране, открывая всему свету все нелицеприятные стороны частной жизни. Да, у многих найдется свой скелет в шкафу, но литература – особое место. Хороший рассказчик на то и мастер слова, такое у него ремесло, чтобы из океана слов – расхожих, ругательных, непристойных – найти такие, которые способны житейскую измену поднять до шекспировского уровня – до набата измученной страстью души, отчаянного шепота оставленной любви.

Однако куда проще, и не надо большого труда и ума, чтобы обзывать на каждой странице бывшую любимую *неверной, похотливой сучкой, шлюхой, лахудрой, предательницей, Хавероньей*, а интимные отношения свести до *банального совокупления-спаривания*. Порой внутренняя тишина героев лучше передаст накал сложившейся драмы, нежели неудачно выстроенный словесный ряд, который можно найти в любом словаре синонимов. Сколько их, кто берегает опыт первой любви, нежданного предательства и последующего возрождения, но редкие авторы могут переplавить собственные страдания, доводящие порой до удушающего ужаса, беспредельной безнадежности и ощущения почти физической смерти, в бесценные страницы чистой литературы.

Но вернемся к повести «Примириться с ветром». На смену мутным рассуждениям героя о любви, изменах и женском коварстве приходят действия. Все просто: выход в Интернет на сайт знакомств, где наш любвеобильный герой знакомится с потенциальными жертвами. Их множество – им несть числа. Он резко меняет образ жизни. *«Следующие три недели пролетели, словно в сюрреалистическом сне. Квартиры, номера отелей, сауны и душевые кабинки, задние сиденья автомобилей, темные скамейки в скверах и парках сменялись дачами под Минском, лесными полянами, туристическими палатками... В голове смешались в густой коктейль имена девушек, молодых женщин, дам бальзаковского возраста...»*. Герой вдруг спохватывается в своих откровениях: *«...ни одну любовницу я не привел в свою квартиру, на нащу с ней, Единственной, тахта»*. Потом, кстати, бедной тахте будет высказана претензия.

Вам интересно? Мне – нет, все до банальности однозначно и примитивно.

Композиционной схеме сочинения не хватает логики и оправданности. Автор очень увлекается описаниями внутреннего расстройства героя, приближенного к синдрому апатии, депрессии или невроза на почве неудачной любви и, как следствие, измены ему Единственной. Не слишком заботясь о сюжете, не беспокоясь о том, чтобы увлечь читателя поворотами судьбы героя и фантома пропавшей героини, бесследно исчезнувшей из жизни Максима. Остается только тахта. *«Единственная изменяла мне на ней. И тахта не вздыбилась, не сбросила с себя блудницу. Союзница! Потому что тахта и женщина – одного рода. Грешница прикрывает грешницу...»*. Герой на всякий случай предупреждает читателей: *«Вы ошиблись, если подумали, что я упиваюсь своими страданиями, люблюсь ими, раздуваю угасшие угольки ушедшего благополучия, надежности, покоя. Я взрослый»*. Впрочем, в последнем утверждении как раз приходится сомневаться.

Прежде чем вступать в столь тонкое и невероятное сложное дело, как описание любовных сцен и переживаний, автору следует осознать, что здесь главное – филигранное владение литературным инструментарием, иначе такая литература будет выглядеть незрело и напоминать пробу пера подростка,

обманутого ожиданиями первой любви. Какова тяжесть и плоть литературного слова, таково и мастерство автора. Не можешь, не созрел – забудь на время эту неудобную тему. Неудобную не в смысле закрытости, а в смысле профессионального овладения.

В повести нет ни капли настоящей литературы, с ее высоким полетом духа, всегда оставляющей надежду. Вместо этого – нервные истерики героя и дурно пахнущий слог. Все смешалось в бедной голове несчастного влюбленного. Она похожа на мусорную корзину, где можно найти обрывки чужих мудрствований и личных амбиций, болезненную растерянность, опасную надменность, нелюбовь к ближним, настороженность по отношению к окружающему миру. *«Без косях, завистливых, осуждающих взглядов близких твоих, скептически-критических замечаний начальников, остервенелого рыка пассажиров в переполненном метро... Я же свободен ото всех!»*

Автор сознательно подчеркивает современность повести, подбрасывая для доказательства мелкие улики современного быта. События происходят все-таки в Беларуси, и вот вам в доказательство: *карманный китайский фонарик, купленный на рынке в Ждановичах... белая пепельница с логотипом Fabus... цифровая камера... MP-3 плеер... послушать «Рамштайн»...* Когда недостает убедительности в художественных приемах, идут в ход рекламные маркеры, которые выполняют свою истинную функцию, не всегда уместную в художественном тексте.

Особо хочу остановиться на лаборатории слова. Художественный язык повести, сравнения, метафоры не имеют точной огранки, не оставляют отсвета авторского стиля, а засорены заезженными штампами, неточностями, слишком лобовыми узнаваниями. Их много, они мозолят глаза, однако такая небрежность отнюдь не смущает автора. Сегодня это модно, но за якобы дневниками-воспоминаниями прячется обыкновенная словесная халтура, недоработанность, недошлифованность текста.

Если в тексте *канистра*, то она обязательно *бездонная, огонь – ненасытный*, и дальше все узнаваемо – *внутренний взор, царит полная луна, топчи кирзовым сапогом, выжигай его серной или азотной кислотой* (автор даже предлагает химический выбор), *броситься в глубокий омут*

знакомств и удовольствий, и мы парижки видывали, и по монмартрам таскались, и в Сену плевали, стерпится – слюбится, до звона в ушах, до хруста в суставах, до пелены перед глазами... И так далее, и тому подобное. Художественный язык не несет стилистических открытий и новизны, а это большая авторская неудача. Как из рога изобилия сыплются и такие перлы, понимайте их, как знаете: «Естественные, от природы свойственные мне достоинство и верность – отброшены», «Я равен безграничной пустыне. Моисеевой пустыне... Познай себя, и ты познаешь Вселенную...».

Отдельно остановлюсь на главе, посвященной сну героя на розовом облаке, где сознательно отвратительные образы готовят героя к очищению. Это особо зашифрованное автором место. Не буду углубляться в дебри расстроенной психики Максима. Здесь все по Фрейдю – зеркально наоборот. Герой во сне вытягивает из себя прошлые страхи, раскаяния, прибегнув к помощи иносказательного, мерзкого чудовища-жабы, «которая живет в каждом человеке».

«Четырехлапые всползли на гангренозно-пупурчатые спины, образуя подвижный неровный столп. Не так ли строились египетские пирамиды?» – вопрошает испуганный герой. Хочется ответить: «Не так, уважаемый, не так строились египетские пирамиды, ничего общего не имеющие с неровными столпами». Героя охватывает паника: «Если сказать, что меня охватил страх скотины на бойне, это будет скромно-кокетливым молчанием...». Каково, однако? Жабы морда, дающая правильные советы, оказалась еще и чревовещательницей расхожих поговорок и пословиц, набивших оскомину штампов: и овцы целы, и волки сыты, болтаться, словно дерьмо в проруби, шаг за шагом, метр за метром, иди с гордо поднятой головой, не склоняй головы перед теми, кто этого не достоин, ради общей цели.

Понятно, что сон и разговор с жабой – это всего лишь авторский прием, за который легко можно спрятаться, и свободно побродить в лабиринтах сознательного и бессознательного, в полуснах и тенях прошлого, вытягивая на свет все черное и подлое из души героя. Жаба здесь выступает и в роли опытного психотерапевта. Оказывается, рецепт прост – надо любить! Но как?

Напомню, нашему герою уже тридцать пять: «В твои годы необходимо любить! Безоглядно, бездумно, сломя голову, не жалея потраченных дней и ночей, не обращая внимания на раны и синяки, ложь и обман, измены и неверность, даже подлость, любить, любить на износ». Опять старые лозунги о главном. Жабьими устами, надо понимать, говорится о земной любви, с полным грузом сопутствующих плотских утех, разочарований и вывернутых наизнанку представлений о духовных ценностях. В общем, все тот же пустой, никчемный ветер, а за ним гонится такой же опустошенный герой, у которого любовь и ложь идут рядом, что и наблюдается на протяжении всей повести.

Меня сразили странные рассуждения насчет страданий. Автор по обыкновению некорректно обобщает от имени всех нас: «...мы любим свои страдания и часто выставляем их напоказ... Через страдания мы, наверное, избавляемся от своей серости, муравьиной обыкновенности. Приобретаем ореол. Но зачем он нам в наших буднях? Будет мешать, натирать, давить. Наконец, ослеплять ближних, раздражать их. Тех, у кого пока нет призрачного ореола...». Какая, однако, надменность и черствость.

И к тому же эмоциональная незрелость, поучительная холодность слышится в этих словах. Ведь считается, что физические и нравственные муки очищают, облагораживают человека, что через боль приходит милосердие, снисхождение к слабым, больным, нищим духом. И это делает нас более добрыми, внимательными к близким, приближает к некой таинственной истине, за которой в конце жизни следует суровое божественное Предстояние. Через страдания постигаются ошибки, идет внутренняя работа на становление, на духовный рост. Исстрадавшийся человек возвращается к себе настоящему, обновленному, обогащенному опытом и потерями, порой заново начинает жить и всматриваться в прошлое.

И еще. Сердце, к которому неустанно обращается герой, выдает одну за другой банальные истины и опровергает мифы. Вот одна такая формула выживания: «Предают родителей, детей, любимых, но прежде всего самих себя. Это простенькая формула выживания. Выживание муравьев».

Теперь понятно, в чем корень такой самонадеянной надменности, претенциозной

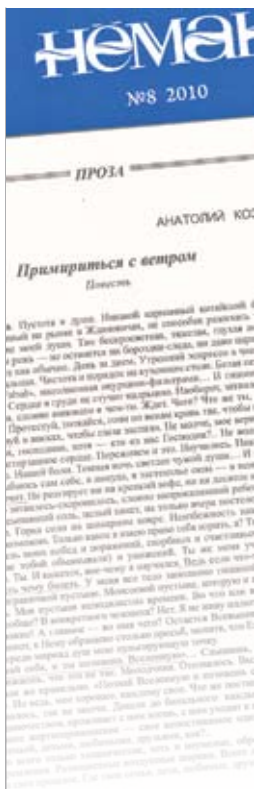

напыщенности и болезненной самовлюбленности автора. **Мы**, от имени кого автор так любит выводить поучительные сентенции, всего лишь копошащиеся внизу муравьи, суетливые и обыкновенные, которые раздражают своей монолитностью велеречивого мудреца. Тогда кто он сам?

Очень бросается в глаза авторская замысловатая назойливость: где надо и где не надо все время подбрасывать что-нибудь эдакое, не для понимания тех, кто не дорос до уровня писателя, серых, увязших в муравьиной обыкновенности людей: «*А примириться с ветром можно. Знаю*». Автор-то знает, ему хорошо, а как быть с читателями, которые пытались разобрататься с ветром?

Повесть написана явно в стиле потока сознания. Автор экспериментирует, самоуверенно забывая, что такая техника превосходно действует при ее дозированном, экономном применении. И нечего тогда пенять на читателей за равнодушие к постмодернистским «играм», поскольку подготовленные читатели интуитивно чувствуют, что новоявленные постмодернисты на белорусской литературной почве «играют и заигрываются» совсем не с ними, а друг с другом, путая литературу с литературным дискуссионным клубом. Выяснять отношения между кланами и отстаивать позицию надо на литературном поле, которое представлено на страницах специализированных изданий, а не в скучных текстах неудачных образчиков последователей постмодернизма. То, что давно закреплено в литературе идеологами этого западного направления, ставшими культовыми фигурами, в последние годы лихо подхватили многие российские писатели. Правда, сочинителям среднего формата не всегда это удастся. Так зачем же гнаться за псевдоветром, который не наполняет твои паруса настоящей любовью, страданиями, болью, не оставляет в душе ничего из того, что дает прочтение многих талантливых книг, например, Ю. Нагибина, Ф. Саган, В. Короткевича?

Художественная действительность псевдолитературы состоит исключительно из обманок, похожих на очередной мыльный пузырь, готовый вот-вот лопнуть от первого соприкосновения с читательской средой. Читателя надо любить, воспитывать и холить, иначе разомкнется вечное кольцо «автор – читатель».

Ведь как ясно и понятно, а главное достоверно писали в еще совсем недавнем прошлом, увы, уже ушедшие от нас писатели-классики. Какой лаконичный, казалось бы, простой и в то же время емкий, сдержанный язык в прозе В. Быкова, но своей жизненной простотой, мощнейшей авторской эмоциональностью и правдивостью он выворачивает и очищает душу. К его произведениям хочется возвращаться и возвращаться в поисках ответов на многие вопросы.

В нынешней нашей литературе прозрачность сюжета (отчего в последнее время авторы так боятся увлекательности, считая, одного их важнейших литературных приемов?) отходит на второй план. Невнятность авторской мысли окружена на страницах туманностью и надуманностью, словоблудной причудливостью, банальностью рассуждений, которые писатели пытаются выдать за оригинальность, на деле же получается какая-то доморощенная философия и надменность.

Как утверждает известный российский литературный критик и публицист С. Чупринин, рассуждая о занимательности, интересности и увлекательности в литературе, «из всех фундаментальных эмоций на первом месте стоит интерес, заинтересованность, а читатели, в том числе и принадлежащие к квалифицированному меньшинству, зачастую основывают свой выбор книги (или отказ от ее чтения) как раз на том, интересно или неинтересно с нею знакомиться, следовать за мыслью автора, приключениями героев и т. д. Ведь, увлекая, занимательное произведение тем самым и привлекает читателя к сотворчеству, вовлекая его в мир, где есть место для соразмышления и сопереживания».

Разочарования от повести А. Козлова нет, так как она и не очаровывает художественностью языка. Такая литература в принципе не эстетична, мелка, тяжела на подъем. Пустота и надуманность вызывают в душе такое же пустое раздражение. Герой и его послылы так мелкотравчаты, поверхностны. В попытках вывернуть наизнанку откровения силы ушли на наддувание пустого шарика, гонимого ветром. А как же большие идеи, воспитание идеалов у юношества, созидательная энергия, которая может зажечь и увлечь молодое поколение?

Есть еще одна претензия – скучно, какая скука, черт возьми! Ничего не задевает, хоть режь. Не хочу отбирать кусок хлеба у профессиональных критиков, я всего лишь литератор со своим частным мнением, а не эксперт, ставящий на изделия знак пробы. Но если такого уровня литература будет и дальше появляться на полках книжных магазинов, то она вложит свой кирпичик в построение общества, а вернее, в его разрушение и падение нравов. Надо поднимать дух хорошей, доброй книгой, воспитывать отменным литературным языком, а не приучать читателя к сомнительного качества уличным фаст-фудам от литературы.

Очевидно, что за неимением современных талантливых произведений будут появляться «книжки-фокусы, книжки, завораживающие пустотой содержания» (А. Андреев), все настойчивее и настойчивее заполняя культурное пространство. Но завладеют ли они умами и душами? Псевдолитература – всего лишь изоцрненная игра-головоломка, некая искусственная забава. Вывод неутешителен: современная проза эволюционирует в сторону нечитаемости, но создается странное ощущение, что весь пласт высокохудожественной литературы, давно ставшей классикой, нисколько не обветшал, ведь эстетические ценности существуют вне времени. В общем – не все так страшно и безнадежно. Уверена, что высокомерная пропасть между элитарной литературой и литературой для читателя может и будет уменьшаться не за счет примитивности и упрощения, а за счет поиска божественной простоты.

Усталому путнику, в смысле писателю, необходимо иногда остановиться в своем долгом путешествии, чтобы ход его не оказался бесконечно выхолощенным, пустопорожним, и обратиться к культурному наследию прошлого. Используя в литературной работе настоящее, следует вводить и дальше эстетические традиции классиков, но уже в повседневный язык культуры, закрепляя их в национальный канон. Временное молчание, как акт познания себя и мира, приносит порой плоды в виде удивительных книг, наполненных истинным словом и творчеством.

Сегодня часто можно услышать, как некоторые авторы без тени иронии относят свои произведения к серьезной, качественной, настоящей, классической, традиционной литературе, подчеркивая, что их тексты

являют миру особую элитарную словесность. Но по причине ее высоколести и сложности для читателя неподготовленного такая литература далека от народа. Она непонятна, неудобоварима и нужна скорее для самовыражения и удовлетворения собственных амбиций автора и обслуживающих его критиков, нежели читателю. Так не лучше ли бросить слишком тяжелое писательское ремесло? Зачем кропать домодельную продукцию, ограниченную географией и территорией, не открывая ничего нового в самом человеке, окружающем его суровом мире? Остается одна надежда на большую Литературу да вечный Божий промысел, которые в состоянии преобразовать и усовершенствовать природу человеческую.

Вначале, когда я только подступалась к написанию статьи, думала, что повесть «Примириться с ветром» всего лишь авторская неудача, слабая с художественной точки зрения – с кем не бывает. Даже в плохом надо постараться отыскать зерна хорошего. Не в этом ли задача литературной критики? Но все оказалось гораздо сложнее. Внимательно вчитавшись и вдумавшись в монологи главного героя, пришла к неутешительному выводу: если такого содержания тексты и дальше будут являться миру, мы станем грустными свидетелями скорого заката наших лучших надежд. Лабиринты болезненного сознания, ведущие в тупики, бездуховность и тщетность усилий, скрывающаяся за самонадеянными, устрашающими лозунгами литературного героя, сеют в душах людей опасную безнадежность.

А где же здоровые, светлые, позитивные книги, высекающие искры доброй энергии и рождающие высокое Слово литературы? В таких книгах гражданские общества нуждались всегда, но создавать их сегодня, во времена, подпитанные бездуховной апатией, унынием, зовущие под черные флаги, – особая задача. Талантливые произведения будут являться людям, но не для тотального запугивания и ухода в себя, а для того, чтобы забрезжил спасительный свет в мрачных закоулках наших душ и пустынного мира. Хочется верить, что изнурение и стагнация словесной силы не достигли последнего предела, последней черты. Как и дело позитивной, человеческой литературы.

Ирина ШАТЫРЁНОК,
член Союза писателей Беларуси